

ИНТЕРВЬЮ с Татьяной Николаевной ЩИПКОВОЙ

Интервьюер: Софья Чуйкина

ДАТА: 6.5.94 СПб Респондент: 1930 г.р.
образование высшее,
законч. филфак ЛГУ, препод.
ин.яз. в Пед инст. в
Смоленске. 1970-е
уч-ца семинара ("Община")
разведена, сын 1959 г.р.

Я родилась в тридцатом году в Сибири, но очень рано меня привезли сюда, в Ленинград, - родители сюда переехали. Отец был врач, врач-терапевт такой вот... Позднее он обычно был... много раз был главврачом больниц в Ленинградской области. Вот. Мама была... мама работала в музее - у нее не было специального образования - она работала в музее. Вот. Но, я думаю, что не это интересно, так сказать, нэ это более интересно - вот для меня и как я сама понимаю свои... свой путь - а, наверное, интересно то, что мама и папа встретились в Сибири в тот период, когда бежали от революции. Но люди бежали в разные стороны: кто на Запад, а кто на Восток. И вот семья моей мамы была в...из польских дворян, и они бежали от испуга. Бежали в Сибирь. Там, видимо, были какие-то связи, я даже не знаю. А отец, наоборот, был происхождения социального очень такого простого, и мой дед - его отец - был сельский священник. И мама и папа никогда бы не могли встретиться, если бы не эти обстоятельства революции, - они принадлежали к разным социальным слоям. Вот это мне кажется любопытным. Вот. Ну, в дальнейшем они расстались, и меня воспитала мама, одна. Вот. Выросла я здесь, в Ленинграде. Здесь кончила школу, здесь кончила Университет. И после...

С: Извините, скажите, а братьев и сестер у Вас нет?

Т.Н.: Нет, нет, я одна. И после аспирантуры - это было уже... это было самое начало шестидесятых годов, шестьдесят первый год, - после аспирантуры я уехала в Смоленск работать в Педагогическом институте Смоленском.

С: (Нрзб) Одну минутку, вот меня еще интересует, почему Вы вот эту профессию выбрали? И когда это Вы решили?

Т.Н.: Я... Так, наверное, я ее выбрала, так же, как любой человек выбирает свою профессию, - я с детства любила языки. Вот и все. И я поступила на французское отделение филологического факультета. Это по...по любви, так сказать, по склонности. Вот. И я кончила аспирантуру по этой специальности, т.е. я - филолог, и читала лекции по истории французского языка, по теоретической грамматике, а также и практически преподавала язык. Вот. И когда я оказалась в Смоленске, студенты показались мне менее... менее... культурными, менее образованными по сравнению...по сравнению вот с той молодежной средой, к которой я привыкла в Ленинграде. И я сочла своим долгом как-то их развивать, расширять их кругозор и т.д. И так как я преподавала также и латынь, а не только французский, то я предложила им вести

такой, можно сказать, факультатив по античности. И я его вела несколько лет. Но постепенно к античной истории у меня стало прибавляться христианство, просто по логике вещей. По логике вещей, потому что я доходила до первого века и, естественно, упиралась как бы в этот первый век, и дальше нельзя было обойти молчанием возникновение христианства, иначе искалась картина развития... дальнейшего развития, скажем, римского государства - без этого просто невозможно. И я, таким образом, волей-неволей стала рассказывать о...начале, вот, христианской веры. И вначале... я не была верующей, я не была верующей в это время, но я всегда относилась с интересом и с уважением к...этим проблемам. И я постепенно стала в это погружаться, вобщем, разными путями. В конце концов, через какое-то время, естественно, я пришла к... сначала просто к каким-то знаниям, более серьезным. В то время это было не так часто - люди, вобщем, очень мало знали об этом. Вот. Но я приобрела какие-то знания, а уж потом пришла к вере - это было несколько позже. И, конечно, не только...не только этим путем, естественно: там были и другие факторы. Вот. Что касается...

С: А какие факторы?

Т.Н.: Какие факторы? Вот, я думаю, что это было в значительной мере осознание коммунизма как... помехи в духовном развитии человека. И вот мое лично... т.е....я... вот я почувствовала невозможность оставаться в этих пределах, тем более насильтственных таких. Ну, возникло желание больше узнать, скажем, о христианстве - я наткнулась на то, что книг нет, ничего нет. Даже в Публичной библиотеке в рубрике "Христианство" я нахожу книги только по научному атеизму. Вот. Библию можно было прочитать в Публичной библиотеке, но надо было приложить к этому усилия. Т.е. только человек, который специально подходил к библиографу, во-первых, который осмелился подойти к библиографу, и потом, который понял, вот как что... и... Люди солидные, конечно, так сказать, люди знающие, специалисты - люди более такого возраста, зрелого, - спокойно ориентировались в этом. А молодежь - молодежь это могло поставить в тупик и надолго ее, так сказать... надолго вот этот вот путь к христ...знаниям в области христианства был блокирован вот этим. Нужно было преодолевать препятствия. Вот Ну, вот эта внутренняя, так сказать, ну, возникла такая как бы внутренняя оппозиция, постепенно. Она была действительно внутренняя - особенно не с кем было поделиться этим. Ну попозже я стала делиться с друзьями, которые появились в Смоленске, но меня друзья понимали, только когда речь шла о проблемах политических или культурных, а в религиозном...на религиозном пути я не встречала понимания ни у кого. Это очень затрудняло, так сказать... ну, как-то это было, конечно, не... не радостно - не радостное такое вот одиночество. Вот. И вот эта вот внутренняя оппозиция в конце концов поставила передо мной такую проблему: в чем дело, почему, чем... чем христианская вера помешала коммунистам. Почему они ее избрали мишенью такой. И тем более это были шестидесятые годы - время, как все знают теперь, очень сложное - когда Никита Сергеич одной рукой открыл, так сказать, ворота лагерей, а другой рукой командовал... вот бульдозерами, которые разрушали

храмы. И было разрушено огромное количество церквей, в том числе и в Ленинграде - церкви, которые выдержали до этого все годы сталинские. Вот. И это тоже... тоже вот... толкало меня на...на эти вопросы, толкало меня к таким вот недоумениям. Ну вот, это были главные такие... А потом уже и чисто такой внутренний религиозный путь - но он очень такой личный у каждого человека. Тут много разного намешано и... вот. Во всяком случае, у меня не было такого внезапного озарения какого-то, а был такой долгий путь. В вере. Ну вот.

С: Ну а скажите, а личные... Вы не можете рассказать... про личные мотивы?

Т.Н.: Личные мотивы... Личные мотивы - я под этим подразумеваю переход от таких как бы филосовского характера вопросов, когда человек анализирует что-то, ставит перед собой вот какую-то задачу и ее разрешает с помощью, там, чтения, разговоров, если есть такая возможность. Размышлений таких вот - интеллектуальных, логических. А есть совершенно другие...происходят совершенно другие процессы - вот когда человек обращается к вере - т.е. ты как бы не сам ставишь перед собой какие-то вопросы, а ты чувствуешь себя погруженным в какие-то незнакомые тебе состояния, иногда мучительные, иногда радостные. И эти состояния настолько необычные, и сначала даже не... не понимаешь, что с тобой происходит. Вот... Ну, кроме того... кроме того - чтение Евангелия. Я до тех пор читала Евангелие, разочек, но, так сказать, как-то вот теперь начала - в этот период, о котором я рассказываю, - я начала его перечитывать и... тоже как бы почувствовала какой-то, ну я не знаю, зов, или приказ, или... Вот какие-то такие состояния, когда у человека уже возникает ощущение, что не он сам идет, а его или толкают, или зовут, или влекут куда-то. Вот. Ощущение зова. Вот. Т.е. это не... это совсем другого...другой природы, вообще, вот, и... И это, так сказать, вот это...этот путь, эта сторона, так сказать, развития человека - это...это совершенно другое, другой путь, чем интеллектуальный. Одно другому не мешает, но в принципе возможен только один и без второго, и тогда это не вера, а, скажем, философские убеждения были бы, и только. Вот. Ну, через какое-то время вот я осознала себя верующей, это для меня самой был большой шок, и отсюда воспоследовало, прежде всего, изменение вот этих вот занятий со студентами. Я стала гораздо более... целенаправленно с ними разговаривать. Христианство стало занимать гораздо больше места вот в моих беседах. И...и в то же время это стало более опасно. И сейчас я удивляюсь, как ребята не...как никто не нашелся - никто не "настучал". Сейчас я просто этому... Вплоть до того, что я приносила Евангелие на занятия. Приносила Евангелие - это в то время был такой криминал - и когда я первый раз принесла, это было просто потрясение для студентов, они повскакали с мест, побежали ко мне и... там, стали просить: а можно дотронуться, а можно взять в руки, а где берут, а где взять такую книгу, а где ее прочитать. Вот...

С: Т.е. Вы чувствовали, что это всем, вобщем-то нужно?

Т.Н.: Да. Это было очень интересно всем, да. Очевидно, не всем в равной степени - по разному люди были затронуты - но во всяком случае, это... они...они увидели, что...что я считаю сейчас главным. Они

увидели, что их обокрали, т.е. они увидели, что от них скрывают что-то очень важное, очень существенное, и... Вдруг это вот оказалось скрытым. Вот. Ну, и никакого... К этому времени я уже читала самиздат - через друзей - ну вот такой общий самиздат, так сказать, политический, то что называется вот. Я знала, слушала радио - все это запретные "голоса" - и, вобщем, знала о деятельности диссидентов в Москве, но никакого отношения к этому не имела, тем более, что я была провинциалка и совершенно одинокая. Вот. Так что, собственно говоря, у меня и путей-то никаких не было - как-то вот включиться в какое-то движение, что-то делать. Вот. И...

С: А так... Вы хотели вот... больш...о...обще...общественно-политической деятельностью, в частности(?), заниматься?

Т.Н.: Нет. Нет-нет. Это меня не... Как Вам сказать, с одной стороны мне хотелось выразить как-то... Да, было такое желание... было такое желание. Понимаете, человек...человек рано или поздно чувствовал себя глубоко оскорблённым. Вот для меня это тоже имело огромное значение. Я прекрасно знала, кто там, в этих вот... Это мы все видели, все понимали, кто там сидит в этом Полит...Политбюро, и вообще вот, все эти чиновники, которые, скажем... си...осуществляли цензуру, т.е. те, кто проверял, что мы читаем и кто нам запрещал и кто говорил: вот это можно, а это нельзя, - мы прекрасно это понимали - это тупые люди, люди, которые этого сами ничего не знают, не...и знать не хотят. Они смели распоряжаться вот... Мне было это оскорбительно: что вот там сидят какие-то там тупицы и распоряжаются тем, что мне читать, что мне не читать, быть мне верующей или мне не быть верующей, вот. И это для меня имело очень большое значение, т.е. это, я думаю, была защита личности - просто вот у меня мотивы были такие - защита достоинства, своего достоинства как личности, и свободы. Вот. Это для меня большое значение имело. Я думаю, что вот когда говорят об обществен...об общественно-политическом движении, нужно это разделять. У меня это было, скорее, духовно-общественное. Я не... По убеждениям я была, наверное, скорее, революционерка - мы все были революционеры, т.е. вот взять бы да скинуть это все. Вот это было нам близко - такое (смех) стремление такое - вот бы...вот бы нашлись такие молодцы, которые бы взяли да скинули. Да.

С: Вы все это вот (нрзб)?

Т.Н.: Нет-нет, это...нет-нет, я вообще говорю...

С: (Нрзб)

Т.Н. ...что, вот, да, ну, даже там вооруженным путем. Я не задумывалась об этом. И так как мы все были воспитаны в глубоком уважении к...ко всякой революции, то нас это не очень пугало. Наверное, это...не только... я была, наверное, не одинока в этом.

С: (Нрзб)

Т.Н.: Но самой мне это не было так вот непосре...я не стремилась непосредственно в этом принять участие. Вот скажем, когда вошли в Чехословакию наши танки, я это очень, я прекрасно помню этот день. Прекрасно помню. Я была в Смоленске и я это услышала... я это услышала по радио. Но и до этого было так: мы этого ожидали - вот будет-не будет. И когда я это услыхала по радио, то впечатление было

ужасное. Я помню, что я заплакала. Заплакать-то я заплакала, но мне не пришло в голову, скажем, выйти на площадь, вот как это сделали несколько человек известных. Да? Ну, там, Лариса Богораз и другие. Ну, для того, чтобы вот выйти на площадь, нужно другое...другая какая-то подготовка и потом должен быть уже круг людей, какой-то...

С: Круг, конечно (нрзб)...

Т.Н.: ...круг людей, вот. Это...это мне как-то...это я... Т.е. я была целиком с ними, так сказать, внутренне. Целиком с ними была.

С: А Вы заплакали - Вам было обидно за...за страну с...(нрзб)?

Т.Н.: Я заплакала просто от ужаса. От ужаса и от отчаяния, потому что ну, значит, вот русские танки идут и все... и значит, ясно, что там творится, в Чехословакии. Там только-только началась эта самая "пражская весна", они только-только начали вот как-то распрямляться, подняли головы, и понятно, что там происходило. Да это мне и не надо было, так сказать, объяснять, я сама понимала, что там творится. Вот. Это просто от ужаса, от отчаяния, от...жалости к людям, я не знаю, от чего человек плачет в такие...в такие моменты. Вот. И... Да, и значит, если вернуться к духовным проблемам, то я стала - вот после того как я стала верующей - я стала очень внимательно слушать, я ловила специально передачи именно такой, духовной направленности. Вот, Радио "Ватикан" слушала и Радио "Свобода" и... "Би-Би-Си". "Би-Би-Си" легче было слушать, Радио "Свобода" надо было слушать только ночью, потому что сильно глушили, и надо было специально вставать ночью. Можно было слушать только после полуночи или долго не спать. Где-то часа в два можно было услышать, а до этого - нет. Вот. Ну, и однажды я услыхала о том, что в Москве есть такой священник, отец Димитрий Дудко, который очень смело отвечает на вопросы верующих в церкви. Что приходят к нему вот интеллигенция, и молодежь, и не молодежь, новообращенные люди или интересующиеся. И он отвечает на разные-разные вопросы. Дело в том, что в Смоленске я вообще не могла в церковь ходить. Там единственный был открыт...единственный храм действующий был - это Собор знаменитый, Успенский, но он был объектом...туристических осмотров. И было много иностранцев. И свои приезжали, и иностранцы приезжали. И эти экскурсии водили мои коллеги. Но если бы даже и не коллеги, т.е. мне достаточно было один раз туда пойти не в качестве, так сказать... зрителя, а в качестве верующего, и это был бы конец, просто я бы потеряла работу тут же. Вот. Поэтому я не ходила в Смоленске, а ходила я в церковь, когда я была... вот приезжала в Ленинград или в Москву. Здесь у меня были...оставались родные, поэтому я приезжала довольно часто. Вот. И, услыхав об этом священнике, я захотела с ним познакомиться. Но непонятно было, как это сделать.

С: А Вы по радио, да, услышали?

Т.Н.: Да, услышала по радио, по тому радио, по нехорошему радио, как мы говорили. Вот. Они даже говорили где, но как-то...я, вобщем, не...не такого характера человек, чтобы взять и приехать. Вот никто меня не привел, а я сама приехала, тем более к священнику, я очень робела священников. Одним словом, как-то это и для меня было не...невозможно. Да, и потом его скоро оттуда перевели, и было

непонятно, куда его перевели. А больше... Да, еще рассказывали про отца Александра Меня. Вот с отцом Александром я так и не познакомилась, к горести моей. И как раз вот в те дни, когда я задумывалась, как же это мне добраться до отца Димитрия Дудко, как раз в это время... я познакомилась вот с этой группой молодежи, с так называемым "семинаром". Это были молодые люди, в общем, не такая уж "зеленая" молодежь, а познакомилась я с ними через Владимира Пореша, который первые годы учился у меня - был... он из Смоленска. И он учился в этом самом пединституте на французском отделении и был моим студентом. Но это было первые два года, а потом он переехал в Ленинград и перевелся в Университет, перешел. Но мы сохранили добрые отношения и доверие друг к другу и... а у него родители оставались, и сейчас они... живы-здоровы, дай им Бог здоровья, и живут там же, в Смоленске. Так вот, когда он приезжал домой к родителям, он всегда приходил ко мне и вот... у нас бывали довольно откровенные разговоры - так как-то получилось, что еще когда он был студентом, мы прониклись доверием друг к другу. Вот. И он рассказал о том, что вот возникла такая группа молодых людей, в основном, это были мальчики, юноши, значит, в возрасте, вот, при... как я сейчас соображаю, в возрасте где-то лет от двадцати трех до тридцати, вот так, примерно. Потом появились и моложе, и старше люди. И появились также и девушки, но уже после. И... он мне объяснил, что это группа верующих, в основном, православных молодых людей, которые... ну, во-первых, хотят больше узнать. Вот они все, конечно, новообращенные и хотят читать отцов церкви или каких-то... вот литературу религиозную, русскую религиозную философию. И просто общаться друг с другом. Т.е. это как раз то, чего мне так не хватало. И... в... Кроме того, там у них разные были другие идеи: создать культуру другую... Ну, понятно, т.е. не... неподвластную... режиму. Т.е. это было стремление создать какую-то духовную площадку, вольную такую, где бы дышалось вольно. Это было мне очень близко, гораздо ближе, чем какие-то политические акции. И, хотя я боялась очень, я понимала, что и это тоже очень опасно, страшно опасно... И кроме того, надо сказать, что я еще боялась и за сына - у меня был сын, в то время он был... когда это началось, он был школьник... девятого... в девятом классе он был - и я понимала, что если я вообще включусь вот в это, во всю эту... возможно, что он... что я испорчу ему жизнь. И в дальнейшем так и оказалось: через какое-то время мы оба оказались в "семинаре", правда, через какое-то время. В то время сын уже был студентом того же пединститута нашего. И в конце концов обернулось это тем, что он не получил диплома.

С: Скажите, пожалуйста, а вот... Вы сына воспитывали тоже... в христианском духе? Вы рассказывали ему (нрзб)?

Т.Н.: Нет. Нет-нет, подождите, когда я пришла к вере, сын был уже большой.

С: Уже большой...

Т.Н.: Да. И когда... Я просто в один прекрасный день повесила иконы. И он пришел домой и сказал: иконы висят... мама, иконы у нас появились как произведение искусства? С интересом с таким. Я говорю: нет. Он сказал: очень интересно. А это было, когда я уже съездila к отцу

Димитрию Дудко, т.е. это было вот - это все было, так сказать... Я долго шла, но вот когда я уже пришла к вере, это были... вот как раз вот этот период, когда я и по радио услышала, и Володя мне рассказал про этот "семинар", и мальчик у меня уже... кончал, можно сказать, школу, был близок к этому. Вот. И он сказал, мой сын: а священник есть у тебя какой-нибудь? И я говорю: вот я только что познакомилась. Тогда он говорит: дай-ка мне его адрес, я на зимние каникулы все-равно в Москву еду. Я говорю: нет, я тебе его адреса не дам. Но кончилось тем, что я дала ему адрес, - он у меня его выпросил. И вот... он в результате не поехал к тем, там, друзьям-подружкам, к которым он собирался, чтобы весело провести зимние каникулы, а поехал он сразу к отцу Димитрию и от него - у него пробыл десять дней каникул - и от него вернулся верующим. Т.е. это не я. Вот. Но это было, конечно, все в унисон и все это имело значение. Но мы с сыном очень давно говорили откровенно на разные темы о режиме, лет... очень давно. Когда он, маленький, задавал прямые вопросы, я всегда давала прямые ответы. Т.е. когда он, например, у меня, маленький еще, спросил... мама, а нам сегодня учительница сказала, что товарищ Сталин был очень хороший, и правильно он сказал, когда... и цитата дальше, значит, была, там, почти наизусть - учительница у них была сталинистка - что... нужно уничтожить немецкий народ, там, что-то такое, вот. Мама, неужели это правда, что нужно уничтожить немецкий народ? Вот. Ну, я ему объясняла все это. Потом, я помню, он про выборы у меня спрашивал: сколько... из скольки я буду выбирать. И когда я сказала, что из одного, он сказал, что это обман, правда же? Это обман.

С: Он сам что-ли...

Т.Н.: Нет, ну, мальчик спрашивает: ты идешь на выборы? Я говорю: да. Ты будешь выбирать? Буду выбирать. Из скольки?

С: Из скольки выбирать...

Т.Н.: Да...

С: ... ну понятно (нрзб)

Т.Н.: Ну, это просто детская логика - ему было лет одиннадцать-двенадцать. Из скольки? Я пыталась уйти от ответа, но он мне не дал: да нет же, мама, ты не понимаешь, из скольки? Сколько у тебя там будет фамилий, сколько ты должна будешь вычеркнуть и сколько оставить? Ну, и мне пришлось сказать, что у меня будет одна фамилия. Я, конечно, могу ее вычеркнуть... вот...

С: (Смех)

Т.Н.:... Вот, и он тогда закричал: мама, так это же обман! Какие же это выборы? Вот так. Ну что мне было делать? Я не могла... начать ему что-то такое, понимаете... скрывать от него - ну, когда задается такой вопрос. Мне оставалось только сказать: пожалуйста не надо ни с кем об этом говорить. Это очень опасно. Раз ты понял, что это обман, значит ты должен понять, что за раскрытие обмана будет кара. Понимаете, это уже легко дальше, раз он понял, что обман. Ну раз ты понял, что это обман, значит ты пойми, что тебя накажут, если ты громко это скажешь. Вот так. И потом, когда уже он был десятиклассником и в доме появился "самиздат", он читал "самиздат" вместе со мной. И это было очень трудно сделать иначе, потому что... мы жили тоже вдвоем - он рос со

мной - и мы жили в одной комнате и это было очень трудно все. И он такой дотошный, что... Вот. Ну вот, так что он тоже постепенно как-то вот и подключился. Я не сумела, я очень боялась, но я не сумела его как-то вот оставить в стороне. Вот. А дальше... Дальше оказалось, что... некоторые ребята, которые в этом "семинаре" были, знают отца Димитрия Дудко. И дальше уже все пошло естественно. Я поехала в Москву, я познакомилась с отцом Димитрием, дальше сын познакомился, ну Вы уже поняли, и дальше уже...

С: И он был...и он был Вашим духовным отцом?

Т.Н.: Да. Да, долгое время. Ну, как долгое... Какое-то время он был нашим духовным наставником - всех, так сказать, вот, в "семинаре" - но потом наши пути разошлись.

С: Скажите, а это какие были годы?

Т.Н.: Это были семидесятые годы.

С: Семьдесят четвертый, семьдесят третий?

Т.Н.: Да, да, примерно - это было несколько лет. Да, семидесятые годы. Дальше начались встречи "семинарские". Мы...один раз в месяц мы...встречались, обычно в Москве, иногда в Ленинграде. Вот, в Москве и в Ленинграде, да. В Смоленске - позже там было как-то, но не...немного. Вот. И... "семинар"...да, "семинар" - конечно, это было очень интересно. И, дело в том, что стали скоро... Он не был замкнутым - вот почему...почему там было интересно и почему это было так опасно. Очень скоро выяснилось, что это вовсе не... подпольная группа. Во-первых, эти люди совершенно, хотя все понимали опасность, но эти люди совершенно были неспособны... к конспирации. Ну, органически - характер такой. И, кроме того, умонастроение другое: вот с самого начала была такая как бы духовная задача - отвоевать, как вот я сказала, какую-то площадь, такую вот, для вольного дыхания. И это - раз для вольного дыхания, то она не могла быть подпольной - это было несовместимо. И поэтому, про нас скоро рассказали по "голосам". И это, конечно услыхали и "кэгэбэшники". Но это услы...а почему-то они нам дали довольно долгое время "порезвиться". Они нас могли бы сразу, так сказать, наверное, остановить, но, возможно, что они хотели - я сейчас так думаю - возможно, что они хотели, чтобы набралось... криминала с нашей стороны настолько, чтобы... их заслуга была больше. Понятно, да? Да, и это им было очень выгодно - для их карьеры. Вот. Но услышали об этом... Нам это тоже было выгодно, потому что услышали об этом в разных местах страны, и стали приезжать люди очень издалека. У нас появился дом... в Тверской губерн...в Тверской области - Калининской тогдашней. В Московской не удалось...

С: Что значит - появился? Купили?

Т.Н.: Да. Только, конечно... мы не могли, у нас не было денег, мы все были голодранцы. Я хоть и была... я, наверное, была самая...я была самая пожилая и самая богатая, но преподаватель вуза советского - это тоже, знаете, не...небогатый человек (смех), вот. И у меня, в общем, все уходило на

эти разъезды, на книги и на разные расходы, связанные с "семинаром" - там тоже: то одно, то другое, там... Вот. И... вот денег у нас на это не было, но были люди - знаете, многие сочувствовали любому

оппозиционному движению, любому - вовсе необязательно это были христиане. Вот была такая солидарность. Я помню, например, как мы выражали солидарность гонимым художникам, хотя их направление творчества лично мне было совершенно чуждо. Это такие вот, постмодернизм такой всякий там разный. Я...

С: (Нрзб)?

Т.Н.: Да, да-да, ходили там демонстрировать за них. Ну, "бульдозерная" выставка была такая, знаете...

С: Да, конечно.

Т.Н.: ... И вот мы там были, да. Мы там были с Володей Порешем.

С: Демонстрировать, а каким образом? Просто (нрзб)

Т.Н.: Вот в принципе просто из солидарности - быть там. Только, только, да. И вот мы там все это видели - это ужасно, это...тяжелое осталось воспоминание от этого. Я просто хочу сказать, что все были вместе, вот так, все, так сказать, направления оппозиционного движения, разного.

С: Т.е. все друг другу сочувствовали, вот в этом...

Т.Н.: Да. Да-да-да. Мало было таких каких-то, кто вот как-то несколько ста... Даже не могу сейчас...не могу сообразить, не могу назвать. Вобщем, все друг друга как-то знали так и все старались друг друга поддержать.

С: И такой вопрос...

Т.Н.: Да...

С: Чем Вам нравились вот эти люди вот в плане человеческих качеств - вот "семинар"(нрзб) - Вы можете сказать? (Нрзб)

Т.Н.: Ребята эти? Ой, это... Я сразу, да, могу, могу. Могу. Это люди были очень разные, очень разные. С свободой внутренней, таким вот бесстрашием, я бы сказала. Я не только имею в виду с...там готовность, скажем, попасть в тюрьму - это...мы это, конечно, обсуждали много раз и все соглашались: да, конечно, рано или поздно нам...нас, наверное, всех... вряд ли мы, так сказать, благополучно это минуем. Мы, по крайней мере, большинство из нас, наверное, все-таки пройдет через это. Вот. Но не только в этом дело, а вот такое... мне нравилось то, что они вот как-то молодые. Но я считала как-то для себя это более естественным все-таки. И потом у меня семья немножко так..."из бывших" (нрзб)немножко так как бы... ну, разговоры какие-то были, я слышала. А среди ребят были и такие, у которых папы-мамы крммунисты, и они тем не менее сумели пробиться и сбросить вот эту вот... Сейчас скажу... Вот... Сбросить эту вот давящую тяжесть, и хуже того... Я как...когда-то...пыталась вот это сформулировать. Современным...современным людям очень трудно это, наверное, себе представить, что это такое. Человек, как бы...голова человека, мозг человека, был как бы в какой-то известковой, гипсовой тако...в таком вот как бы шлеме, в каком-то таком вот... как будто весь... вся голова была вот чем-то, понимаете, покрыта твердым так, что извне ничего не могло проникнуть. И вот чтобы это снять с себя, чтобы пробиться... У нас все понятия были искажены, мы были именно... У нас... были именно переделаны наши вот внутренние...внутренние, ну, по крайней мере... мировоззрение наше, образ мыслей, понятия все - это все было искажено. И чтобы это все с себя содрать, это надо было именно

содрать, не так просто вот повернуться и выйти из этого. Это было очень больно. Это было очень больно. Просто вот ощущалась физическая боль. И поэтому для себя как-то это, ну, с моей стороны, мне кажется, это было более как-то естественно, все-таки я была ближе к...к старым, прежним временам, а ребята, ну, молодые ребята, они же все были воспитаны в пионерах-комсомолах. Вот. И то, что они сумели пробиться сквозь это... И потом они восхищали меня еще тем, что они гораздо бысьрее меня шли. Это молодые мужчины, когда я с ними познакомилась, они гораздо больше...они гораздо больший путь уже прошли. Они знали и философию, и все, и у них такие интересные были дискуссии. Они уже прочли всех там: и Флоренского, и Бердяева, и всех.

С: Ага. Т.е. вот в "семинарах" Вы не были как бы вот выше их как преподаватель студентов?

Т.Н.: Ни в коем случае, ни в коем случае, наоборот: я пришла как рядовой такой член и вовсе у меня там не было такого положения как какой-то там наставницы, или преподавательницы, или учительницы. Я могу примерно определить, опять-таки сейчас, свою роль и свое место. Это, наверное, было, скорее, материнское место. Понятно, да? Вот. Я очень охотно их кормила, притаскивала, значит - надо было чего-то есть, чем-то их кормить - притаскивала, значит, вороха еды эти, привозила и, хотя, конечно, участвовала, очень охотно и активно участвовала в этих, в разговорах, но отнюдь не... чисто как рядовой, вот как рядовой слушатель, и, так сказать, далеко не самый там среди них какой-то активный. Отнюдь нет. Вот.

С: То есть Вы были, может быть, такой хозяйкой, да?

Т.Н.: Ну, отчасти. Вобщем, скорее вот, скорее вот именно вот материнская роль, это больше. Не хозяй...нет, нет - этого я тоже не могу сказать, чтобы... Ну, хозяйственная функция... Дело в том, что там скоро появились, как я сказала, женщины - женский, так сказать, вот, элемент. Ну, как (нрзб), вообще, нормально, с моей точки зрения, в таких духовых движениях - интеллектуальных, духовных - девочки приходят за мальчиками, они приходят, так сказать, потом. Вот. И некоторые из них... ну, там разные были: были, конечно, естественно, и романы, были и... все там было. Были всякие неразделенные любви. Ну это естественно, без этого просто не может быть, тем более, что чувства очень обострялись вот этой вот ситуацией. Понятно, да? Вот. Ну вот, это продолжалось некоторое время, это продолжалось... это продолжалось до семьдесят седьмого года.

С: Скажите, а когд...а Вы ездили на Новый Афон? (Нрзб)

Т.Н.: Нет, я не поехала, да. Я лично не поехала. Я знаю про...хорошо эту поездку, они мне это много раз рассказывали, причем разные люди рассказывали, так что я знаю из разных уст, но лично я не была, я б(?) не смогла поехать. Вот.

С: А как Вы относитесь к этой идеи - жить в общине...

Т.Н.: Сейчас я...

С: ... нет, тогда.

Т.Н.: ... Тогда. Тогда мне это нравилось, хотя у меня всегда были возражения и всегда я... так, улыбалась, когда они очень были этим увлечены. Вот, и я им всегда говорила, что это все замечательно до тех

пор, пока не появилась семья, своя семья. А когда появляется своя семья, то обязательно семья должна быть автономной, без этого она не будет существовать. Автономной. Но, вот, вообще, я и сейчас, мне и сейчас этого не хватает. Мне не хватает общин в широком смысле, сейчас этого, вот, близ меня этого нет. То есть, понятно, да? Вот таких братских отношений между семьями, вот это вот. Я думаю, что, может быть, вот так как начиналось все это развиваться, это движение, если бы оно могло дольше просуществовать, оно бы через разные, там, может быть, ошибки и всякие, там, испытания, оно бы к этому и пришло - вот, к дружбе, к такой вот братских...к братским отношениям между семьями. Может быть, ей это и удалось бы что-то. А сейчас другая эпоха: сейчас не... не эпоха - может, я ошибаюсь, тогда я очень рада - не эпоха таких вот братских общин, сейчас какая-то другая эпоха. Вот. Так что там я не была. Ну, это все я очень хорошо помню - все эти дискуссии. И, вобщем-то у нас, конечно, в каком-то смысле, в каком-то зачатке, община была. Была, конечно. И... не... не так, если так строго не судить и если, конечно, учесть все трудности и все особенности момента.

С: А скажите, что такое, я...я просто не знаю, что это, что такое вообще...(нрзб)?

Т.Н.: Это именно братство, братские отношения между людьми. Это полное бескорыстие - это все было. Это все было. Я очень счастлива, что я это...с этим соприкоснулась. Полное бескорыстие. Это материальные все соображения и интересы на десятом плане. Это люди связаны очень тесными духовными узами и именно духовные проблемы их интересуют и они готовы их обсуждать не с утра до вечера, а просто круглые сутки, и при этом все нежны и внимательны друг к другу. И возникают вот личные такие, вот личная, ну, привязанность просто, личная привязанность. Почему я говорю, что я не...не...не хочу этого, вот это - это не было, не была хозяйственная роль, это была материнская роль, именно поэтому. Что я их всех очень нежно любила, и они, вобщем, я думаю, чем-то подобным как-то мне платили, по крайней мере, я так чувствовала. Вот...

С: И вот вы купили вот этот дом, да?

Т.Н.: Да, не мы купили, а я не договорила - были разные люди: одни участвовали в движении вот так, таким образом, другие писали в "самиздат", может быть, даже без подписей или под псевдонимами писали свои соображения, третьи писали "в стол", как Вы знаете, а четвертые давали деньги. Были такие и немало. И вот кто-то - я даже точно не знаю кто, может быть, и не один человек - вот дали деньги на то, чтобы у нас была... был дом просто.

С: То есть дали деньги, даже сами не принимая участия (нрзб)?

Т.Н.: Да, именно не принимая, именно... Это было их участие.

С: Да, это была их поддержка...

Т.Н.: То есть люди...это люди, которые были включены в систему, которые работали, занимали какие-то должности и не могли отказаться от своей карьеры, от своей работы. Возможно, очень любили свою работу и вовсе не хотели с этим расставаться. И совершенно были не готовы, там, идти куда-то по тюрьмам. Вот. И это было их участие и

спасибо им за это. Это было замечательное участие. Вот. и благодаря им появился этот дом. Это деревенский дом, вот, в деревне Редкино, довольно большой дом, с садом, с огородом, роскошный дом. Ну, он был в таком довольно запущенном состоянии, но само по себе все это место было очень, вот... И вот мы там... какое-то лето мы там проводили. Потом мы туда довольно часто приезжали... и вот осенью, и даже зимой, отлично помню, да, и зимой. И мы понимали уже, что слежка за нами есть, и не просто слежка, что, конечно, КГБ знает и что остается - это был уже семьдесят седьмой год - и остается уже нам, наверное, не так много времени гулять на воле. И вот в семьдесят седьмом году Сашу Огородникова, который был, вобщем, у нас организатором этого дела... его арестовали. Вот. (Пауза). Потом... Потом через год... Володю арестовали, а потом сразу... сразу несколько человек, и меня в том числе. Вот так. Это уже пошли аресты. Это уже... семьдесят девятый год был... Вот, ну тут...

С: Скажите, ну вот после того как мальчиков арестовали, Вы... у вас продолжались какие-то...

Т.Н.: Да, да, все время, до самого конца, пока не арестовали всех главных участников. Вот...

С: То есть...

Т.Н.: ...Самых активных и на ком, вообще, держалось. Вот когда их арестовали, тогда уже это... так, уже как-то некому было и продолжать вроде.

С: Но почему Вы не... почему Вы не прекратили... даже зная, что... То есть, это было настолько важно, что даже...

Т.Н.: Вы знаете, прежде всего, вот, наверное, это будет очень странно - почему мы не прекратили. Да невозможно было прекратить. как прекратить? Ну вот, арестовали Сашу. И что, мы все должны... как? Если бы мы... мы бы что - вернулись... Понимаете, просто, даже вроде как и некуда, невозможно уже было включиться в прежнюю...

С: То есть это была жизнь, вообще.

Т.Н.: Да, это была... это стала наша жизнь, это...

С: Это стало важнее, чем работа?

Т.Н.: Это - ну, безусловно, безусловно, важнее, чем работа, и... Да, да-да, это уже... Это просто было уже невозможно - прекратить. И если бы... Наверное, вот если бы я перестала ездить к ребятам, я бы сама это восприняла как предательство.

(Окончание стороны А)

(Сторона В)

С: То есть это - это как... как судьба, да, уже воспринималось? То, что (нрзб)

Т.Н.: Ну, можно так сказать, что как судьба, да. Тут, понимаете, еще нужно... нужно еще сказать о том, что... Вот я говорю: община, там, или семинар... Ведь это носило христианский характер: у... у нас была своя... у нас были свои молитвы, как бы свой такой канон, мы вместе ездили в церковь, мы вместе причащались, мы не начинали ни одного, так сказать, собрания, этого семинара, без молитвы. Вот. И все сами рассматривали - и свою встречу и вот эту, всю свою вот эту жизнь

семинарскую - мы воспринимали как христианскую жизнь. Вот. Это очень важно, это не была...не были какие-то чисто, там, философские или политические какие-то рассуждения, обсуждения, доклады. Было...это было все: и доклады были и все. Но это было вот... Почему я говорю, что это все-таки была община, при всех там недостатках это...это была община, конечно.

С: А вот Вы ездили в Москву, в Ленинград вместе с Леней(?), да?

Т.Н.: Мы ездили по-очереди по причинам денежным. Мы не могли сразу, одновременно. Вот. Ну, то есть, дорого.

С: А, ну да, деньги на билет (Нрзб)...

Т.Н.: Да. Да. Я не богата была совершенно. Вот.

С: Но Вы просто... Вот это было, что это ваше...ваше "вместе", то есть вы семейно в это включились...

Т.Н.: Да, да-да.

С: ...и это было общее дело, да?

Т.Н.: Это...это... Это было у нас общее, да, да-да. Иногда мы оказывались вместе в этой деревне, но это...это было редко, это было, по-моему, раза два всего. Вот. Ну если он ездил, а я нет, - это он уже был студент в это время - он мне рассказывал все это. Вот. (Пауза).

С: И он... он сам для себя это примерно определял так же как Вы, да? (Нрзб)

Т.Н.: Я думаю, что да. Я думаю, что да, для него это... Он был один из самых юных. Там еще был его возраста один юноша. И все. Да, и были еще две девицы тоже, две девочки тоже юные, помоложе даже чем мой сын. Я сначала очень хотела их, так сказать, как-то отвратить и просто запретить им приезжать - они были несовершеннолетние - это очень было опасно и для них, и для нас тоже. Вот. Но мне это не удалось просто: я ж не могла, там, так сказать... Я...я не жила в Москве, а многие участники "семинара" просто жили в Москве и они встречались помимо этих вот собраний. Они встречались и в другое время, и эти девочки были там независимо от моей воли. Вот. Но девочки благополучно... их миновало... всякие посадки - их не тронули. Ну я очень рада. Вот.

С: Скажите, пожалуйста, а вот журнал, он...

Т.Н.: А журнал... Журнал делали Саша Огородников, еще, значит до посадки его, и Володя Пореш. Ну, кто-то еще принимал участие. Я принимала участие в том плане, что... ну, как-то в советах, в разговорах, в обсуждениях. Может быть, вот, в общих таких каких-то...каком-то редактировании, когда...особенно когда печаталось что-то от имени всех - такое было у нас - ну, типа таких манифестов каких-то. Это в то время...люди молодые, и тем более такой вот... понимаете, когда вот это противостояние, то есть такое желание, вот - тем более все понимали, что рано или поздно посадят - высказаться. Высказаться и как можно...чтобы это громче прозвучало и чтобы это шире, как-то вот так охватно было. Вот именно такого типа манифест. Вот. И это обсуждалось совместно, и я в этом тоже принимала участие. А как автор я никак не...не принимала участие.

С: А Вы на машинке это не печатали?

Т.Н.: Нет, нет-нет. Я не...я не умею даже на машинке печатать, так что и этой роли у меня не было. Я была просто как участница семинара и

вот... Но, разговаривала много и... вобщем, обсуждалось это со мной очень много и часто. Но автором я не была.

С: Но вот, по-моему, на обыске именно из Вашей квартиры очень много (нрзб)...

Т.Н.: Да, совершенно верно. Дело в том, что... Да, дело в том, что так получилось, что...чтоб печатать...чтоб печатать... Это Вам Володя все рассказывал, нет?

С: Нет, я читала какую-то биографическую записку про Вас...

Т.Н.: А... а... ага...

С: ... давно еще. То есть просто...(нрзб - брак записи)

Т.Н.: (Пауза) Дело в...значит... Ага, дело в том, что, так получилось, что негде было сесть печатать очередной вот номер - а их всего-то было три, сколько их там было-то - и вот третий номер негде было печатать. И... ребята приехали ко мне. Ну я посчитала(?) это... согласилась, чтобы приехали ко мне в Смоленск. И... когда пришли с обыском, то... Да, я забыла сказать такую деталь очень важную: мой сын рано женился. Женился он на третьем курсе, поженились они со своей однокурсницей, которая вот, моя дорогая невестка, которая мне - спасибо ей и низкий ей поклон - родила мне трех внуков. Вот. И к тому моменту, когда вот был... когда был... когда разыгралось это все: и обыск, и потом, через несколько месяцев... уголовное дело и потом арест - это они уже были женаты, и потом родился внук. И когда меня арестовывали, внук...внук уже был маленький, то есть он уже даже бегал, годик с чем-то ему был. Вот. И в этот день их не было - в день обыска - они поехали к родителям моей невестки, которая была родом из такого при...пригородного городка небольшого, близ Смоленска. И они - это было воскресенье - и они поехали навестить родителей Любиных, и их не было. И пришли без них. Вот. Ну, этот обыск не закончился арестом. Они забрали журнал. (Пауза) Они забрали журнал, но... оставалась микропленка. И когда вечером приехали ребята, сын и невестка, то... сын взял эту микропленку и отпра...поехал в Москву. Даже ему удалось по дороге... Мы к этому времени уже умели уходить от...от фильтров, от этих вот, (нрзб) которые. За нами уже просто ходили в это время. Вот. И ему удалось это...от него отвязаться, так что он передал эту пленку друзьям. Вот. (Пауза) Но... Да, и еще кое что сохранилось от этого обыска - это такое...забавная деталь. Я знаю, что такие детали рассказывают многие, кто пережил обыск. Даже две детали я скажу. И я...я понимаю, что я это не первая, но я все-таки это скажу: когда пришли, то... Саша Огородников читал Набокова. Я сейчас уже не помню что, а, "Приглашение на казнь". Ну это был криминал большой в то время - Набоков. То есть за Набокова, наверное, не сажали, за одного только Набокова, но его бы непременно забрали. И во все время обыска...

С: Вобщем, весь, весь Набоков?

Т.Н.: Да. Да. Просто Набоков как таковой. Нехороший писатель (смех). Происхождение такое, позиция такая, понимаете, независимо от того что и как он писал. Саша во все... Обыск продолжался часов семь, долго очень. Книг у меня много было, и они каждую книгу трясли - вот поэтому долго. Во все время обыска Саша Огородников держал Набокова в руках, заложив палец вовнутрь, значит, вот. Понимаете, как, да? Вот, вот

так вот. Вот так вот он и ходил. Вот так. Никто из них - их было пять человек - никто из них, никому не пришло в голову сказать: Огородников, что у Вас в руках? Это первое, значит.

И вторая забавная деталь... Тетка писала протокол - с каким-то там званием тетка, но совершенно малограмматная, какое-то у нее, юридическое какое-то звание у нее большое было - она сидела в... перед моим письменным столом, упервшись коленями в тумбочки с ящиками. Ей ни разу не пришло в голову отодвинуться и выдвинуть ящики письменного стола. Они обыскали все. Все абсолютно. Кроме ящиков письменного стола, где сидела эта тетка, понимаете... Там осталась... там остались важные документы "семинарские". (Смех).

С: Ну понятно. Замечательно...

Т.Н.: Когда они ушли, мы кинулись друг к другу в объятия. (Смех)

С: (Нрзб)

Т.Н.: Вот.

С: Хорошо...

Т.Н.: Да...

С: И арестовали Вас в восьмидесятом году?

Т.Н. Арестовали меня, да, арестовали меня сначала... Арестовали меня - я не знаю, значит, это было там написано или нет - совсем не по... не по делу об этом обыске, и якобы не за "семинар", а якобы за то, что я якобы ударила по лицу дружинника, который нас обыскивал. Я вроде как действительно замахнулась, но я не...не ударила его. Ну и, одним словом, это... ну, понятно, ну, я замахнулась, сразу - тут их было много - сразу, другие сразу закричали: ой-ой, кровь, кровь, он избит!

С: Господи, буквально я почему-то...(нрзб)

Т.Н.: Вот такой, вот такая орясина, понимаете, я перед ним стою, голову задравши. Кровь, кровь, он избит. Ну вот. Ну, вот...

С: Ну это была уголовная статья, да?

Т.Н.: Да, это была уголовная статья и уголовный лагерь поэтому.

С: А статья двести шестая?

Т.Н.: Двести шесть, часть вторая, да. Вот. И длилось довольно...несколько месяцев - они, видимо, не знали как: сажать-не сажать - они держали меня какое-то время, несколько месяцев. Может, пугали, там, я не знаю. Одним словом, в конце концов, тут подошла эта - Олимпиада, что ли, что тогда было, Олимпиада тогда была брежневская - и под нее были посадки. И вот я... уже меня тут, тут-то они меня и посадили. Это было зимой. Посадили они меня зимой... на другой день Рождества, восьмого меня посадили. Вот.

С: И это была зона, да?

Т.Н.: Это была уголовная зона, да. Я ужасно боялась... я ужасно боялась уголовных женщин, ужасно. Ну вот, они меня держали месяца три. Это было в Москве. Как бы...я шла как бы от Москвы. Значит, я преступление совершила в Москве: этот "семинар" был в Москве, на котором нас, значит, это - "накрыли", и вот это все было. Вот. И поэтому на Красной Пресне меня держали. Сначала немножко в Бутырке, потом на Красной Пресне в основном. И туда приходили дважды... трижды, трижды приходили от КГБ с допросами, и с договорами, и с обещаниями со всякими, посылами, вот. Им нужны были мои показания на Володю

Пореша и на Огородникова Сашу. Вот. Ну и, естественно, что: ну как же вот, все...тогда все будет хорошо, тогда все будет замечательно. Ну и ужасно я, когда шла, ужасно я боялась этих женщин. И правда, были страшненькие там, среди них, довольно-таки женщины. Ну, ничего.

С: Но Вы как-то смогли найти (общий язык?-нрзб)?

Т.Н.: Понимаете, этих вот - очень страшных - меньшинство. Их везде меньшинство и они, как вот все такого рода уголовники, они "берут на испуг". Ну понятно, да? Им нужно сразу дать отпор. У них есть такая особенность: они чувствуют, когда... ну, по крайней мере, вот среди женщин так. Я не уверена, что у мужчин так же. Бывает так, а бывает, наверное, и гораздо хуже у мужчин. Вот. но у женщин вот так: они чувствуют внутренне, когда есть на...когда вот мне есть на чем стоять. Они уважают всякую силу, уважают. И не только физическую. Вот. И... был такой случай, когда... так, вроде как замахнулась такая баба большая на меня и вот... Очень спокойно - она увидела, что я нисколько не испугалась - очень спокойно я ей сказала, ну я, я не помню уже как я ей сказала, но в таком случае - нет, меня нельзя никак трогать. Она убрала руку и она поняла, что нельзя и все.

С: А Вам было на чем стоять в смысле веры?

Т.Н.: Внутренне - да. И веры, и, не знаю, наверное, какого-то самосознания, характера, может быть, я не знаю. В конце концов я преполователь, ну. Я всю жизнь преподаю, я... Там, в основном, все-таки молодежь, понимаете, ну другая молодежь, но все равно - молодежь. В основном ко мне очень хорошо относились именно поэтому, то есть даже в камере, вот в тюремной, мне не давали, в мое дежурство мне ни разу не пришлось мыть пол. Можете себе представить? Это уголовные девочки. Они у меня просто хватали, у меня из рук, тряпку и ведро и говорили: ну нет, это не для Вас. Уж мы как-нибудь без Вас вымоем пол. Вот так. Те есть, ну как-то все все-таки учились в школе, все как-то это... Вот. Потом очень... а среди самых уголовников ни...такого низкого разбора очень... очень котировалось то, что я все-таки замахнулась на дружинника. Это мне придавало очень большой вес, да.

С: (Смех) (Нрзб)

Т.Н.: И потом, Вы знаете, религиозница - это все очень быстро узнается, это даже не надо было, чтоб я рассказывала, это как-то... ну, кому-то одному вот что-то скажешь, и все уже все знают: но она это так, уголов...по уголовке это только так, она религиозница. Религиозница - это уважение сразу. У кого там какое, ну, кто-то...кто-то просто боится: а вдруг она порчу нашлет - у них же полная каша в голове.

С: (Смех) Ну понятно, да. А скажите, как-то изменились вот взгляды... мира, восприятие... там, мировоззрение...(нрзб)

Т.Н.: И после зоны, да? После зоны? Я страшно рада, что я попала и что попала именно в уголовную зону, потому что в политическом лагере я бы нашла знакомых мне людей, так сказать. Ну, по типу. Вот. А... если бы не это...не эти три года, я бы никогда не узнала...я думаю, что я не имела бы права считать, что я знаю русский народ, если бы я там не была. Вот. Это имело очень большое значение вот для этого, у меня просто другой вообще взгляд. И что касается религиозного моего состояния, то это имело огромное значение: я...твердо знаю с тех пор, что четкой границы

между честным человеком и преступником нету, что я такая же, как они, а они такие же, как я. Это я совершенно точно знаю, именно...

С: (нрзб)

Т.Н.: Да, да, да. Потому что те преступления, о которых они мне рассказывали, я...я... когда они мне рассказали - вот некоторые, некоторые вот свои истории - я поняла, что вот такое искушение у меня было и вот такое искушение у меня было в жизни. Да, я этого не сделала - того, что сделали они. Но я не воспитывалась в глухой сибирской деревне и у меня рядом не стоял топор. Вот. А если бы у меня, вот в моих глазах, стоял топор и я бы првыкла держать его в руках, кто знает, не схватила ли бы я этот топор в такой-то и такой-то ситуации. Вот. Так что это... вот... Человек, если вот заглянет, так... к себе в душу, он поймет, что побуждения бывают самые разные. Вот. Ну, и не говоря уже о том, что... Понимаете... если какая-нибудь... вот женщина, там, убившая кого-то или совершившая там, я не знаю, какое хищение, или там еще что-то сделавшая, какое-то такое преступление, за которое она получила много лет, если я вижу, что это... Вот она передо мной, я каждый день с ней общаюсь, я с ней разговариваю я вижу, что это обычный человек, нормальный человек, человек, который вот попал...стал жертвой каких-то обстоятельств, какой-то вот своей, может быть... да, вот ей где-то не хватило... нравственного воспитания, а что у нас творится вообще вокруг нас и, и все смешились, эти все понятия. И я не могу ее вот так, особенно за государственное хищение, я не могу ее вот так - судить, понимаете... Многие из них, многие из них подходили и спрашивали: ну, скажи ты нам, наконец, что там в Библии запрещено - насчет вот воровства. И были очень огорчены, когда я объясняла, что да, вот сказано: не укради и все. Вот не кради. Ну, не кради, это же, наверное, вот, из кармана, я же из кармана-то не крала, а у этого государства-то грех не взять. Вот. Ну, вот так. Я другого мнения, но вобщем-то я их понимаю, что у них могло вот такое... такое смещение, конечно, может произойти и... Ну вот. Там были очень страшные женщины, такие вот, садистки жуткие, со зверскими убийствами, были. Их было немного, и их сразу было видно: такие лица были страшные. Вот. И были еще очень неприятные женщины - это обычно бывали взяточницы и мошенницы. Вот это действительно люди без... Ну вот люди без всякого...без всяких моральных устоев. Вот. И были воровки мелкие, которые просто как больные. Я на них смотрела как на психически не совсем здоровых. Они...у них пальцы дрожали. Они не могут не красть.

С: А, клептоманы?

Т.Н.: Нет, не совсем. Не совсем. Это...это... Клептомания - это я не знаю, там, это уж совсем, знаете... А то нет. Просто вот она воровка, у нее вот, ей...у нее липнет к рукам, ей все-равно, у кого, и где и что, она не может. Надо ей, не надо - она тащит. Это не обязательно клептомания, это, может быть, близко к тому, я не знаю. Вот это вот, такие вот, несколько таких категорий. Остальные же, даже включая и убийц, это же не убийцы, которые каждую неделю там кого-то укокошают, Вы же понимаете, это люди, которые, вот... В основном, это были женщины, которые либо... либо не выдержали в какой-то момент многолетних

побоев пьяницы-мужа, это очень частый случай. Вот в какой-то момент она не выдерживает, что-то ей подает в руку - или нож, или топор, или что-то. Вот. Либо это убийство из ревности, есть такое. Вот. Все-таки не считается, конечно, так, что русские женщины уж такие темпераментные, но, видимо, это все-таки не совсем так, потому что из ревности там было... Да... молодые вот девчонки, их было несколько, их было довольно много, вот. Это вот убийцы. И...и вот всякие расхитительницы там, я не знаю. Да, потом торговля наркотиками - там тоже таких довольно много, но Вы знаете, вот какая беда, какая странность: настоящие вот эти организаторы бизнеса, кто ворочает миллионами, - я таких не видела, даже близко, и не слыхала, что б они где-либо были там, в этих зонах. А девчонки обыкновенные там были, медсестры, которым задурили головы, и они, плохо понимая что они делают, выкрадывали списанные лекарства, там, где-то валявшиеся на плохо охраняемом складе. Вот эти девчонки получили по восемь-по девять лет. Понимаете, это просто безобразие. Девчонки, которые...вот они мне сами говорили: а мы не знали, что это такое большое преступление. То есть они не знали масштабы, им не приходило в голову, что если их поймают, то их вот так вот на восемь-на девять лет. Но ведь зачем же они нас так надолго? Лично, говорит, мне хватило бы нескольких месяцев, я бы никогда в жизни больше, и вообще бы закон не нарушила. Обыкновенные девочки, как все, и никакие они не уголовницы - вот обыкновенные медсестры. Вот. Кошмар какой-то. Изломали девчонкам вообще жизнь... (Ой, ужас какой(?)(нрзб)

С: На десять лет...

Т.Н.: Да...

С: Скажите, а политический (нрзб), то есть там еще...

Т.Н.: Нет, там была еще... там были еще две, вот, религиозницы. Одна была малоприятная женщина - адвентистка седьмого дня. Но не потому малоприятная, что адвентистка, а потому что просто какая-то, я уж не знаю - она лично такая или что - но... И вот она очень такая...какая-то у нее вера, толкнувшая ее к какому-то озлоблению и ко всеобщему осуждению. Все - солома для сожжения, все сектанты: вот православные - сектанты, католики - сектанты, мы - истинная вера, мы спасемся, вы все, значит, вообще - мусор. И так она...так она себя и держала. Ее не любили в зоне. И была еще очень хорошая девочка, очень хорошая, молодая девушка - баптистка, вот с которой мы очень подружились... ей было года двадцать два в то время. Она...ее посадили за летний... летний детский лагерь они организовали - баптисты - и она была в этом лагере воспитательницей: нарушение закона о религии.

С: А как ее зовут?

Т.Н.: Галя. А, полностью - в то время Галина Вельчинская. Вельчинская, знаете. У нее и пapa и mama сидели. У нее очень известная семья: пapa у нее один из руководителей... вот баптистов в стране. Вот, и mama многодетная - тоже... и многодетную посадили. Кошмар. Вот. Так что с Галочкой - сейчас у нее другая фамилия - вот... Очень хорошая девочка, и это было тоже так, для нас...

(Далее большой кусок - брак записи)

С: А у Вас (нрзб) был - Вы поехали в Молдавию по распределению, да?

Т.Н.: Да. Да. В Молдавии в школе я работала и... (Пауза) Даже не знаю, что тут такого интересного... Молдавия меня поразила тем, что это была республика, недавно коммунистическая в то время - я приехала туда в пятьдесят третьем году - и... А... вот я приехала в те края, которые перешли только после войны под Советскую власть. И там я застала людей, выросших, в общем, при, так сказать, старом режиме, при буржуазной Румынии. Вот. Поэтому, там были такие всякие любопытные наблюдения...

С: Скажите, а Вы вышли замуж вот там, да?

Т.Н.: Я там вышла замуж, да, но потом довольно скоро рассталась с мужем и... воспитывала ребенка одна. Вот.

С: А он... профессия... (нрзб)

Т.Н.: Это все старые времена, сейчас уже не имеет никакого значения...

С: Не имеет, да? (Нрзб)

Т.Н.: ...абсолютно. Это не имеет никаких... Это не нужно, потому что это... Ну, буквально вот это вот не имело, так сказать, дальнейших каких-то... последствий, что ли. Ну, как, я воспитывала ребенка как одинокая вот мать, обычная советская одинокая мать, с...с самого начала, можно сказать, с младенчества, так что это не имеет значения, вот.

С: Скажете, а вот какой-то взгляд на воспитание ребенка какой был? Вот он ходил в детский сад (нрзб)?

Т.Н.: Так как мы были только вдвоем, то он неизбежно, а... да, он неизбежно ходил в детский сад, потому что мы ведь переехали в Смоленск, когда он был маленький. А Смоленск - город чужой был, там никого не было у меня. И не было никакой бабушки, тети, где я могла бы его оставить. А я работала, и работала очень много, поэтому в таких условиях детский сад совершенно неизбежен. Я была в большой горести от этого: детские с...детские сады - вообще, я против них и, конечно, я бы предпочла, чтобы ребенок воспитывался дома. Внуки, старшие внуки, прошли через детский сад, но это был уже не тот детский сад. Когда они были маленькие, внуки старшие, я... частично работала - я работала вахтером - и не могла все время быть с ними. Но... в те дни, когда я бывала дома, я их либо вообще не водила, либо забирала раньше.

С: Да...(нрзб)

Т.Н.: Невестка работала, а я иногда, по необходимости, я их отводила и забирала до дневного сна.

С: А вообще, Вы считали, вот, что детей все-таки лучше воспитывать дома?

Т.Н.: Дома, конечно, дома. Младшенький у нас сейчас дома. Хотя все работают, но сейчас работа...позволяет, сейчас работа не с...не с девяты до пяти, она позволяет кому-то всегда быть дома. И самый младший у нас домашний, детских...детских садов не знает никаких. Конечно, хорошо, когда ребенок воспитывается дома, о чем тут говорить. Но для этого надо, чтобы мама могла сидеть дома или чтобы кто-то был. Вот.

С: Скажите, а какой вот образ жизни был, вообще, вот у Вас в Смоленске? Открытый дом, там, много гостей приходило (нрзб)?

Т.Н.: Да, это я,,, это...да, это я могу так, да, это было неплохо какое-то время. Был круг друзей, в общем, одного направления мыслей - это были люди, так сказать, свободной мысли - так что когда собирались... Это не был большой круг, это было... три семьи и наша. Иногда еще кто-то. Значит, мы с сыном и еще вот... три-четыре семьи. Но... это был такой вот свободный круг... Все что угодно обсуждали, все можно было сказать, не опасаясь ничего, и... все действительно обсуждалось. Все мы все слушали, все читали... вот. Так что это...можно сказать, что таких много было кружков. Это не был кружок вот в... но грань была вообще довольно подвижная - между такой просто частной домашней компанией и тем, что уже можно было назвать кружком. Все-равно, вот для, скажем, наших детей - моего сына и детей наших друзей - для них, конечно, это была среда. Среда, имевшая духовное общественное значение, я это понимаю. Тогда я этого не понимала, а сейчас я это понимаю. Вот. Они все свои понятия, там, черпали, формировались в этом вот круге. И как раз вот этот круг был закрытый, именно потому, что нельзя было туда пустить кого угодно - это было просто опасно. Вот.

С: Ну понятно. Но потом это как-то прервалось, да?

Т.Н.: Потом, к сожалению, да. Ну, во-первых, люди просто разъехались. Разъехались в разные города. Одна семья уехала, другая уехала. И уже как-то связи... Особенno вот... мое участие в "семинаре" - оно уже, понимаете, оно не было поддержано вот этими друзьями - они считали, что так, попросту говоря, это чересчур, вот так. Вот надо было остановиться, вот, на этой приятной милой компании и разговорах.

С: А, ну это понятно.

Т.Н.: Вот. Да. Они меня не одобрили.

С: Скажите, а как Вы думаете, какое предназначение женщины, вообще, в обществе?

Т.Н.: Я не сторонница того, чтобы жен...я...мне не нравится, когда сейчас, вот я слышу передачи такие вот, разговоры, что женщина должна посвятить себя только семье. На самом деле, это...во-первых, это невозможно - не те времена. Вот. Но мне... Да, во-первых, это невозможно, во-вторых это не нужно, потому что...ну, потому что женщина талантливая и - зачем же... зачем будет пропадать такой (смех) резерв...для общества. Кроме того... Я б...я...я сама не люблю таких вот общественных деятельниц, мужеподобных. Мы раньше называли их "партийно-профсоюзные дамы".

С: (Смех)

Т.Н.: Я очень...я прямо вижу их перед собой...

С: (Смех) (Нрзб)

Т.Н.: Да. Они и сейчас есть, да? Вот это...это, конечно, категория такая трудная для восприятия, но зачем на эту категорию ссылаться. Я думаю, что... (Пауза) Самое...са...самое главное, что я хочу сказать... Запрещать просто бесполезно и агитировать бесполезно - за то, чтобы женщина только сидела дома. Я думаю, что женщина никогда не сидела только дома. И если взять хрестоматию по средневековой французской поэзии, то можно увидеть, что в этой хрестоматии из нескольких сотен имен - столько было поэтов в средневековой Франции и еще больше - из нескольких сотен имен примерно, ну по крайней мере, четвертая часть,

если не третья часть, это женщины. То есть в средновековой Франции были многие-многие десятки женщин-поэтов, а вовсе не только та знаменитая Мария Французская, которая вот уже, так сказать, известна и включена в учебники, вот. То есть так было всегда. И когда говорят... Да, с другой стороны я терпеть не могу феминисток, они меня ужасают. И я думаю, что феминистки очень не женственны, тем-то они меня и ужасают. Они не женственны. Они узурпируют, вот, роль защитниц, таких вот защитниц-женщин. Я думаю, что это просто это какая-то, наверное, такая вот...такой нездоровый выход какой-то неудовлетворенности, не знаю, это пусть психологи это объяснят...

С: (Нрзб) феминисток, которые...

Т.Н.: Я имею в виду феминисток, которые кричат, что нужно ниспровергнуть мужской пол, потому что наш мир создан мужчинами. Это неправда, это неправда. Наш мир создан столько же женщинами, сколько и мужчинами. Его делали вместе те и другие, так как и было удобно тем и другим. И женщине было хорошо на том месте, которое она занимала. И это неправда, что женщина сидела дома и на кухне. Она никогда не сидела дома и на кухне. Она всегда делала то, что она хотела - женщина - теми способами, какие ей нравились и были ей, так сказать, и доступны и прияны. И когда ей очень хотелось, она... она руководила... она руководила огромным хозяйством какого-нибудь большого имения или государством - что ей попадалось под руку.

С: (Смех) Замечательно, да. Вы знаете, а есть еще, вот, нерадикальные феминистки, которые говорят, что собственно предназначение женщины - это нести мир и гармонию...(нрзб)

Т.Н.: Это очень такое... Ну, это совсем с другой точки зрения. Это даже не с социальной, а с такой духовной точки зрения. Я не...не знаю, я думаю, что гармонию должны тоже создавать вместе, вс...оба. И... я не знаю, как бы я, вот одна, несла в мир гармонию, если вот... мой, так сказать, партнер... вот он не захотел нести гармонию, ну как же мне одной - не получится. Это вместе делают. И... когда говорят... вот мужчины очень любят, некоторые мужчины, которым очень хочется видеть свою жену исключительно дома и на кухне, вот они очень любят говорить, что женщина - она такая нежная, она вот несет любовь - вот и пусть она это делает, вот это ее предназначение и есть. Так вот, когда я вижу, допустим, вот этих феминисток или каких-то, я не знаю, женщин, одержимых какой-то политической идеей, я думаю, что они ничуть не меньше мужчин кровожадны, и жестоки, и несгибаемы, и никакой там нежности и гармонии вообще близко нет. Вот. Наоборот, вот, наблюдения - вот в этот период: всякий такой вот "семинарский" период и после - эти наблюдения мне показали, что женщина более несгибаема, чем мужчина. Например, в период посадок женщины, выражаясь слогом тех лет, лучше себя вели, чем мужчины. Мужчины гораздо скорее шли на компромисс с КГБ. Да, гораздо, гораздо. Мужчины... Да, довольно часты случаи, когда мужчины, так... ну, не то, чтобы они там что-то уж такое дурное делали, но... давали показания... Женщины - ну, были отдельные какие-то случаи. Но даже не...это не по слабости, а по... Нет, даже не хочу про это говорить. А в принципе, женщины, которые были аре.....

(Окончание стороны В)

II кассета
(Сторона А)

Т.Н.: Вы еще этого не знаете, да?

С: Нет, я не знаю, я даже...для меня...я даже ни от кого это не слышала...

Т.Н.: Серьезно?

С: ... из тех, ну, я имею в виду из тех, с кем я говорила.

Т.Н.: Женщина сильнее мужчины. Женщина... (Пауза) Навер...может быть, очень...дано много, вот, именно... так сказать, для материнства, вот с целью, вот с этой це... для того, чтобы женщина могла выполнить миссию эту, дан огромный запас. Женщина более мужественна...

С: Скажите, а...

Т.Н.: ...в смысле стойкости.

С: А Вы и до лагеря так думали или это уже у Вас...

Т.Н.: Вообще-то я и до лагеря знала это. Да. Я и до лагеря это знала, чесно говоря. Просто из личных наблюдений. Да. Мужчины... (Пауза) Женщина и мужчина - это, конечно, очень интересная тема. Ведь мужчина играет всегда, мужчина играет, да? Он...он...он не может не...не играть (нрзб)(в игры ?) Игра...игра - это его исследование. Мужчина выбрасывает новое из себя, женщина очень редко порождает новое, очень редко. Это большая редкость - женщина-творец, это большая редкость, то есть я просто... Ну, это единичные случаи. Женщина-гений - такого просто нет. Гениальные женщ...гениальных женщин - ну нету их просто, гениальных женщин, Вы не находите? Есть очень...очень крупные, есть прекрасные поэты, есть женщины - ну, Цветаева, скажем, - элементы гениальности, там, можно увидеть, но только элементы. Вот. Женщина - не творец, (нрзб). это не...да, это не значит, что женщина не может, там, написать хорошую научную работу, творческую. Я не в таком смысле говорю. Что-то придумать - может. Но в принципе, вот как характеристика пола.

С: Может быть, она именно не создает новую идею, но она(нрзб) ее развивает уже...(в общественно-значимую?) (нрзб)

Т.Н.: О, так это другое...этот и хочу сказать: женщина великолепно развивает, женщина может подхватить и сделать из этой идеи то, чего, допустим, вот этот мужчина, который эту идею породил, не сделает - у него терпения не хватит или чего-то еще не хватит, вот. Это другое дело, конечно, конечно. Я не говорю, что женщина, там, не может заниматься творческой работой. Прекрасно может. Но это другое. Она может заниматься вот... все-таки когда уже вот главное, вот это вот главное, вот это вот, сама вот эта вот идея, вот эта вот искра уже есть. Вот. А... Ну, иначе, значит, мужчина-творец. Иначе можно сказать, что мужчина играет. Мужчина не может жить без какого-то дела... Ну, пусть это будет домино во дворе. Понимаете, если это совсем вот мужчина, вот совсем низкого такого уровня и его жена никогда не поймет, зачем он идет каждый вечер вот, стучать в домино с этими пьяничками... Даже пьянство от этого бывает, потому что совсем ничего нет

С: От желания играть?

Т.Н.: А?

С: От желания играть?

Т.Н.: От желания что-то иметь, какую-то... какой-то вид деятельности, вот такой... его нельзя назвать уже ни творческим, ни даже игровым. Но это... так называемые друзья - они уже "так-называемые", это только оболочка - но это что-то. Он куда-то идет, у него что-то есть: вот ты сиди а... я не... я должен идти к друзьям, у меня есть что-то кроме вот этого, кроме тебя, детей, вот... очага этого. Что-то, кроме семейного очага, обязательно должно быть. Вот. От и до. (Пауза) А... у женщины может этого не быть. У мужчины, когда этого нет, это ре... редко-редко - чтоб мужчина вот весь ограничился этим - ну, как исключение. В принципе, обязательно что-то должно быть. А женщины - нет, почему же, она может целиком в это уйти, целиком, прекрасно. То есть, я считаю, что общество должно быть так устроено, чтобы женщина, которая мать семейства и хранительница очага, чтобы она была матерью семейства и хранила очаг. И чтоб ей не надо было никуда идти, высунув язык, бежать искать работу. Ей это не надо, это ее работа, это ее деятельность.

С: Ведь она может творчески реализовать... (нрзб)

Т.Н.: В этом, да, да. В этом. И это прекрасно, это замечательно. Но если нет, то не кричите, ради Бога, не толкайте ее обратно, не кричите, что это не... не... не твоего ума дело или что-то подобное. Это ее ума дело, раз ей это нужно. Если б мне сказали, там, на любом этапе моей жизни: нет, значит, вот тебе достаточные средства, сиди дома, воспитывай Саню и... больше, значит, не надо тебе никакого преподавания и ничего, я была бы просто обескуражена, и это, вобщем-то, меня ударило бы по рукам. Я не знаю, это было бы большое горе для меня.

С: То есть для Вас работа научная очень была...

Т.Н.: Очень большое значение имеет. Очень большое. Я считаю, что вот такая работа - преподавание - все-равно: в школе или в институте со студентами - это очень женское дело.

С: Работа с людьми...

Т.Н.: Работа с людьми, работа... и для меня вот это - работа с молодежью - для меня это никогда не было только преподаванием языка, это всегда было общение. И всегда было общение ну, такое вот, какого-то материнского характера. Я... я их всегда люблю очень, хотя у меня нет никогда, не бывает, никогда не бывает излияний, то есть что бы девочки мне, там, изливали какие-то свои личные дела - этого у меня нет. Вот во мне этого нет, чтобы возникли такие разговоры. Но в то же время никогда не ограничивается преподаванием, всегда какие-то отношения более такие... Что-то они дают, видимо, обеим сторонам.

(Пауза)

(

Окончание записи.)